

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/86/9

Рассказ А. И. Макаровой-Мирской «Камланье»: историко-литературный комментарий

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

Впервые выявлены источники сюжета камлания шамана в рассказе А. И. Макаровой-Мирской «Камланье», входящем в состав сборника «Алтайские рассказы» (1912). Этнографический материал вписывается в литературную сюжетную рамку «ребенок наблюдает камлание шамана из укрытия». Таким образом, в рассказе появляется психологизм (чувства ребенка и восприятие ребенком происходящего), который совмещается с детальным этнографическим описанием происходящего действия. Описание содержит текст на алтайском языке – речь самого шамана во время различных этапов камлания, каждый из которых прокомментирован и пояснен. Текст описания камлания из рассказа совпадает с текстами, которые публиковались в томской периодической печати в 1869 и 1890 гг. Первоисточником для них были записки В. И. Вербицкого, которые в 1893 г., после его смерти, были изданы в виде книги «Алтайские инородцы». В итоге удалось установить, что в качестве сюжетной основы писательница использует описание камлания, сделанное ее родственником, известным алтайским миссионером В. И. Вербицким.

Ключевые слова

коренные народы Сибири, образ Алтая в литературе, В. И. Вербицкий, А. И. Макарова-Мирская, шаманы, сюжеты, мотивы

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Рассказ А. И. Макаровой-Мирской «Камлание»: историко-литературный комментарий // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 123–132. DOI 10.17223/18137083/86/9

© Непомнящих Н. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 123–132
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 123–132

Historical and literary commentary on the short story “Kamlan’e” by A. I. Makarova-Mirskaya

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

The paper presents the first examination of the sources of a shamanic ritual storyline in the short story “Kamlan’e” (Shamanic séance/ritual) by A. I. Makarova-Mirskaya published in the collection “Altayskie rasskazy” (Altai stories) in 1912. The writer fictionalizes the ethnographic material and integrates it into the literary plot frame of “a child watching a shaman’s kamlan’e from a hiding place.” The main character is an Altai boy brought to the shaman by his parents. The young boy observes a sacrificial act during his first experience of a shamanic ritual. Horrified by this experience, he runs away, gets lost, and eventually finds refuge with a family of Russian Orthodox settlers. When the parents find the child, he does not want to see the kamas; he wants them to leave Altai. Thus, the story features both psychologism and criticism of shamanic rituals, combined with a detailed ethnographic depiction of the performance. The narration includes a passage in the Altai language: a speech of the shaman during the various stages of the ritual, each commented on and explained. The depiction of the shamanic ceremony aligns with the accounts published in the Tomsk periodical press in 1869 and 1890. The primary sources for all those texts were the notes of V. I. Verbitsky, published in 1893 as a book titled “Altayskie inorodtsy” (Altai aliens). It is worth mentioning that the book, being addressed to children, was intended to be both educational and highly moral.

Keywords

Siberian Indigenous peoples, shaman plots, image of Altai in literature, V. I. Verbitsky, A. I. Makarova-Mirskaya, plots and motifs

For citation

Nepomnyashchikh N. A. Historical and literary commentary on the short story “Kamlan’e” by A. I. Makarova-Mirskaya. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 123–132. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/9

Введение

Александра Ивановна Макарова-Мирская известна сейчас как автор книги «Апостолы Алтая: Сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров» (Томск, 1909; 2-е изд., Харьков, 1914), которая была несколько раз переиздана в 1990-х гг. Однако она автор не одной книги: ею написаны «Силою веры» (1909), «Алтайские легенды. Под новый год. (Из воспоминаний охотника)» (1910); «На служении Алтаю: Биографическое повествование. С 87 портретами, видами и виньетками» (1911), «Алтайские рассказы» (1912), «Полтора месяца на Алтае» (1915), «Пограничные были» (1915) и др. Большая часть ее творчества посвящена Алтаю, алтайским миссионерам и людям, которые там жили. Она внучка Стефана Ландышева, возглавлявшего алтайскую православную миссию, и родственница известного миссионера и этнографа В. И. Вербицкого. Родилась в Томске, много раз бывала на Алтае как в детстве, так и во взрослой жизни. Кроме писательства, увлекалась фотографией: в ее книгах много отличных фотографий алтайских пей-

зажей, инородцев, миссионеров. Частично об этом можно узнать из заметки на сайте областной Томской библиотеки им. А. С. Пушкина ¹.

Интерес к творчеству А. И. Мирской проявился в последнее десятилетие: ее рассказы стали попадать в поле зрения исследователей в связи с их основной темой (жизнь и деятельность миссионеров на Алтае) и в связи с изучением образа Алтая в русской литературе [Шастина, 2013; 2015б]. Однако пока это лишь первые подступы к осмыслению ее обширного наследия. Книга «Алтайские рассказы» посвящена писательницей цесаревичу Алексею, получила одобрение императрицы, была рекомендована для реальных училищ. В самом начале книги помещены стихи автора, в которых есть такие строки:

Жемчужиной сверкающей и ценной
В короне ГОСУДАРЯ этот край
Является красою совершенной,
И я молю: любите ВАШ Алтай! ²
(Макарова-Мирская, 1912)

Как видно из этого поэтического обращения, Алтай рассматривается автором как край, несомненно и по праву принадлежащий российской короне. В книге писательница хотела рассказать будущему царю об Алтае – чудесном, с ее точки зрения, крае, который всё еще представлялся большинству малоизвестной окраинной империи. Иллюстрировал книгу Г. И. Чорос-Гуркин – он оформлял обложку и графические заставки. Кроме того, в книге много фотографий – видов Алтая, портретов, сделанных самой А. И. Мирской, она была помимо прочего еще и прекрасным фотографом.

Будучи дочерью главы Алтайской духовной миссии, А. И. Макарова-Мирская воспринимала христианизацию коренного населения исключительно как благое дело: миссионеры, в ее понимании, несли алтайцам просвещение и другие блага цивилизации. Именно потому все рассказы в книге связаны с Алтаем и жизнью русских поселенцев, помогающих коренному народу. Поскольку «Алтайские рассказы» адресованы в первую очередь детям, то и главными героями в них выступают тоже дети, по преимуществу – русских поселенцев. В каждом рассказе есть познавательная содержательная часть, касающаяся жизни и быта на Алтае, а также обязательный поучительный пример детской неосмотрительности и ее последствий, счастливый финал и мораль. Почти все рассказы выстроены по этой сюжетной схеме. Всего в нескольких рассказах героями наряду с русскими становятся коренные алтайцы, и рассказ «Камланье» как раз из таких.

Источники сюжета камлания в рассказе, их авторство

В рассказе «Камланье» центральное сюжетное событие – описание камлания алтайского шамана. Сцена подготовки обряда и самого жертвоприношения лошади показана во всех деталях. Описан обычай ставить на спину лошади, приготовленной к закланию, чашку: если чашка падала вверх дном, такое животное считалось непригодным для жертвоприношения. В рассказе мальчик «Тумчугаш

¹ См.: Областная библиотека им. А. С. Пушкина (Томск). URL: <https://elib.tomsk.ru/page/34015/> (дата обращения 05.04.2023).

² Здесь и далее цитаты из издания 1912 г. приводятся в современной орфографии. Выделение в цитатах – А. М.-М.

увидал, как чашку поставили на спину его любимице; отец подогнал ее, все закричали, махая на животное руками, и чашка упала вверх вместимостью. – Ладно, – крикнули все, – годна!» (Макарова-Мирская, 1912, с. 140). Подобный обряд с чашкой наблюдал и записал примерно в то же время А. В. Анохин: «Вечером кам камлает и бросает чашку вверх, при этом если чашка упадет кверху дном, то это служит показателем того, что жертва не нужна. Если чашка падает к низу дном, то кам дальше славословит и просит...»³

Обряд с чашкой – проверка пригодности жертвы – происходит в самом начале. Далее лошадь ставят по направлению к востоку, затыкая ей все отверстия травой, после ей жердью переламывают хребет и снимают с нее шкуру, чтобы разделить, отделяя мясо от суставов, затем рассказано, как и что нанизывается на специальные жерди. В сцене камлания в рассказе не только упоминаются все эти важные этнографические детали, но даже есть текст на алтайском языке – речь шамана во время различных этапов действия, каждый из которых прокомментирован и пояснен: рассказано, зачем шаман предпринимает те или иные действия, как ведут себя присутствующие на камлании люди, объяснено, почему они поступают так, а не иначе.

Столь насыщенный подробностями рассказ наталкивает на мысль об отличном знании автором реалий – на уровне этнографического протоколирования. Однако нет свидетельств того, что сама писательница присутствовала когда-нибудь на камлании: в ее автобиографических книгах нет ни одного упоминания о таком событии, как нет и свидетельств владения ею алтайским языком, на котором говорит в тексте шаман. Именно потому была выдвинута гипотеза, что А. И. Мирская, скорее всего, воспользовалась готовым этнографическим описанием, беллетризовав его. Подобное обращение к этнографическим источникам зафиксировано Т. П. Шастиной в повести «Страшный кам» В. Я. Шишкова: «“Шаманьей” повесть делает центральный персонаж – кам Чалбак (...), “алтайской” – описания высокогорья, алтаизмы, продублированные переводом (...), этнографически точное воспроизведение фрагментов мистерий алтайских шаманов, в основу которого, безусловно, положены работы Г. Н. Потанина и его учеников» [Шастина, 2015а, с. 208].

Действительно, при поиске этнографических записей камлания алтайских камов были обнаружены несколько описаний, почти дословно совпадающих с эпизодом камлания в рассказе А. И. Макровой-Мирской. Записи о камах, во многом идентичные тексту ее рассказа, были несколько раз опубликованы в томской периодике в XIX в. Впервые такой очерк встречается в «Томских губернских ведомостях» (1869, № 40 с. 9–10, № 41, с. 5), где публикуется серия этнографических заметок об алтайских инородцах «Алтайцы». В одном из выпусков представлено подробное описание камлания с теми же алтайскими словами и тем же текстом, который войдет в рассказ писательницы. Авторство газетных текстов об алтайцах не указано. Сравним лишь один из фрагментов (табл. 1).

³ См.: Камлание шамана Сапыра, записанное А. В. Анохиным // Национальный музей Республики Алтай. URL: <https://www.musey-anohina.ru/index.php/posetitelyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/958-kamlanie-shamana-sapyra-v-zapisyakh-a-v-anokhina> (дата обращения 27.04.2023).

Макарова-Мирская А. И. Камланье (Алтайские рассказы, 1912)	Алтайцы (Томские губернские ведомости, 1869)
А «дикий» глядел на кама, на его халат с нагрудником из звериной кожи и красную шапку с белыми перьями из хвоста тетери. Взяв бубен и орбу, кам обошел все, но не начал камланья... – А потом что будет? – допытывался Тумчугаш у нового знакомого. С конем что он сделает? – Ей здорово придется! – Беспечно сказал Ургон. – Свяжут ей ноги передние и задние, а на спину привяжут толстую жердь; потом этой жердью переломят ей спину, а ноздри, рот, уши и все отверстия заткнут, чтобы кровь не кинулась в них. Здорово хрснет спина! ноги ей тянут одни в одну сторону, а другие – в другую, а спину давят. – Калак? – вскричал Тумгучаш. – И мою так? Слезы рвались на его глаза, и он удержался едва, чтобы не зарыдать (с. 141).	Потом кам, одевшись в свою форму – халат с нагрудником из звериной кожи и красную шапку с белыми перьями из хвоста тетери – вооружается бубном и орбою, и при сильных ударах в бубен начинает призывание в известных стихах множества духов, сначала подчиненных Ульгэню, а потом Эрлика с его темными силами (№ 40, с. 9). Самый процесс мучительства лошади отвратителен, заключается в следующем: поставив лошадь к востоку, завязывают рыло веревкой, к каждой ноге также привязывают по веревке, и положив на спину толстую жердь, растягивают ноги на две стороны, придавливая жердь к земле, и таким образом ломают спину. Все отверстия животного затыкают травой, чтобы кровь из него не вышла (№ 41, с. 5).

В рассказе этот текст еще раз повторится, когда жертвоприношение будет совершено, добавится лишь описание состояния ребенка, увидевшего весь жестокий процесс:

На небольшой глухой полянке у ключа кам поставил лошадь головой к востоку, и все его спутники принялись за нее, испуганно заржавшую. Одни вязали ей рыло веревкою, другие к каждой ноге тоже быстро привязывали веревки, третьи положили ей на спину толстую жердь и затыкали травой все отверстия у забившегося животного. Тумгучаш остолбенел.

– Значит, правда, всё правда, что говорил Ургон!

Он кинулся к отцу, к каму с криками, но на него не обращали внимания, отталкивали, и сквозь слезы, застилавшие глаза, он увидел, как белая масса забила в густеющих сумерках, и страшный хряст отдался в его сердце и заставил его убежать от этих людей (Макарова-Мирская, 1912, с. 146).

Но еще до написания этого рассказа, очень похожий текст появился в «Епархиальных ведомостях» (Томск, 1890, № 19–20), т. е. через двадцать лет после первой публикации, где он будет представлен как часть отчета Алтайской православ-

ной духовной миссии: в состав отчета включен сокращенный и частично переработанный текст прежней публикации. Тот же самый фрагмент, но уже в версии 1890 г.:

Процесс заклания жертвенного животного по своей жестокости отвратителен. Обреченное в жертву животное ведут в поле к выбранной заранее не имеющей никаких повреждений березе, ставят головой к востоку, завязывают морду веревкой; затем привязывают по веревке к каждой ноге и, положив на спину толстую жердь, растягивают ноги в стороны, придавливая жердь к земле, и таким образом ломают спинной хребет. Все отверстия в теле лошади затыкают травой, чтобы не выпустить крови (Природа и население Алтая, 1890, с. 2–3).

В этом варианте полностью отсутствует речь кама на алтайском языке, но сохранен эмоциональный комментарий к происходящему, похожий по характеру на те, что потом появятся в рассказе А. И. Макаровой-Мирской в устах ребенка. Авторство в газетном тексте снова не указано.

Иерей Дмитрий Лавров полагает, что текст «Природы и населения Алтая», опубликованный в 1890 г. в «Епархиальных ведомостях» (1890, № 19–20), принадлежит Михаилу Алексеевичу Михайловскому, преподавателю Томской духовной семинарии. По мнению Д. Лаврова, именно им «был написан краеведческий труд, который описывал места служения и подвигов алтайских миссионеров, а также содержал этнографические материалы, под названием “Природа и население Алтая”. Эта объемная монография была опубликована несколькими частями в церковном журнале “Томские епархиальные ведомости” в 1890 и 1892 годах» [Лавров, 2022].

Однако, как показывает сопоставление текста «Природы и населения Алтая» с первой публикацией «Алтайцев» 1869 г. и с изданными трудами В. И. Вербицкого, очерк «Природа и население Алтая» представляет собой стилистически переработанный текст первого издания «Алтайцев» или текста В. И. Вербицкого из книги «Алтайские инородцы». Дело в том, что первая публикация дословно совпадает с трудами миссионера-этнографа, а текст в «Епархиальных ведомостях» 1890 г. весьма основательно сокращен: в нем нет ничего на алтайском языке, тогда как и в первой публикации, и у Вербицкого камлание – речь шамана на алтайском составляет примерно треть, а местами и половину всего текста. В остальном очерк 1890–1892 гг. совпадает с упомянутыми текстами первой публикации и трудов Вербицкого практически стопроцентно. А потому согласиться с утверждением Д. Лаврова не представляется возможным, тем более в его статье не обнаружено каких-либо весомых аргументов в пользу авторства М. А. Михайловского. Скорее всего, М. А. Михайловский мог редактировать или помогать готовить текст Вербицкого для печати в Томске в 1890–1892 гг., последний выпуск очерков вышел из печати через несколько дней после смерти В. И. Вербицкого – 12 сентября. Во всяком случае эта информация требует дальнейшего уточнения.

Итак, существует, помимо газетных публикаций, третий текст, наиболее полный: он обнаружен в самом позднем по времени издании – книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого» (1893). Книга издана посмертно на основе его записей, редактор – А. А. Ивановский. Именно здесь дано самое подробное изложение хода камлания и приведен наиболее полный текст всего,

что говорит шаман на алтайском языке, без выпусков и сокращений. Как уже было сказано, текст его практически целиком совпадает с первой газетной публикацией 1869 г., однако в нем больше деталей, которые, вероятно, были выпущены в газетных вариантах: в 1869, а затем и в тексте 1890 г., и в рассказе писательницы.

Сопоставим их, взяв еще один фрагмент описания камлания и показав его во всех изданиях сразу (табл. 2).

Таблица 2

Кам подражает коню: текст из 4 источников

Table 2

Kam imitates a horse: text from 4 sources

№ п/п	Текст	Источник
1	Кам начинает подражать голосом коню, у которого шея сдавлена арканом, прыгает, лягается и проч.	Алтайцы // Томские губернские ведомости. 1869. № 40. С. 9–10.
2	Кам начинает храпеть, скакать, брыкаться и проч., подражая коню, у которого шея сдавлена арканом.	Природа и население Алтая // Епархиальные ведомости Томск. 1890. № 19–20. С. 2.
3	Кам начинает подражать голосом коню, у которого шея сдавлена арканом, прыгает, лягается и проч.	<i>Вербицкий В. И.</i> Алтайские инородцы... М., 1893. С. 49.
4	Кам точно сбесился: он, видимо, хотел подражать коню, шея которого сдавлена арканом, и, страшно вращая глазами, вытягивал шею, тряс головою, прыгал и лягался изо всех сил.	<i>Макарова-Мирская А. И.</i> Камланье // Алтайские рассказы. Харьков, 1912. С. 145.

Сопоставление позволяет увидеть, что формулировка В. И. Вербицкого в его книге и текст очерка «Алтайцы» в «Томских губернских ведомостях» дословно совпадают. По-видимому, тогда, в 1869 г., в газете впервые в несколько сокращенном виде были изданы этнографические наблюдения В. И. Вербицкого. Полное сопоставление текстов очерков в газетах и в книге миссионера дает основание считать тексты 1869 и 1893 гг. наиболее близкими, почти стопроцентно совпадающими, тогда как в остальных текстах есть некоторые как существенные (в газетном отчете 1890 г. убран весь алтайский текст), так и не принципиальные (стилистическая обработка и сокращения в тексте 1890 г. или добавление элементов беллетристического сюжета у Мирской) изменения, свидетельствующие о работе с ними других лиц. Таким образом, можно сделать вывод, что книга В. И. Вербицкого как самый полный вариант текста и есть источник всех упомянутых описаний этого камлания. Однако, по воле случая и обстоятельств, именно его книга была издана позже всех остальных текстов.

Наверное, было бы не совсем корректным считать, что писательница только переписала этнографический источник. Сюжет рассказа А. И. Макаровой-Мирской не исчерпывается описанием камлания, хотя это его центральный эпизод. Мальчик, глядя на происходящее, убегает от людей, испытывая ужас. Он плачет

при виде заклания любимой лошади, бежит куда глаза глядят, вокруг становится темно, в итоге он теряется в незнакомой местности. Спасает его русский переселенец, который отводит мальчика к себе домой. Какое-то время, пока родственники разыскивают ребенка, он живет в этой дружной большой православной русской семье, узнает о существовании христианского бога. Этот бог кажется мальчику очень добрым, как и те люди, к которым он попал. Христианский бог в отличие от тех богов, которым служит кам, милосерден. В финале рассказа А. И. Макаровой-Мирской неизбежно появляется миссионерская мораль: камы обманывают наивных алтайцев, истинная вера – православная. Маленький мальчик обещает прогнать камов, когда вырастет. Так выглядят финальные строки рассказа:

– Погоди, абгай, как только вырасту, я прогоню всех камов с Алтая и буду молиться вашему Богу, потому что он добрый!

Сверкнувшая ярким огнем пролетевшая по небу звездочка точно сказала «аминь» в тихом прекрасном небе, и по лицу Михайлы пробежала усмешка, немного грустная от сознания, быть может, что еще долго в Алтае будут звучать бубны камов, и старые верования, привитые веками, царствовать над умами робких и суеверных людей (Макарова-Мирская, 1912, с. 160).

Внучка сразу двух известных миссионеров и не могла, наверное, написать другой финал.

Заключение

Подводя итоги, нужно сказать, что в рассказе «Камланье» А. И. Макаровой-Мирской многие эпизоды из этнографического первоисточника сохранены целиком. Сюжет рассказа включает беллетризованное описание камлания алтайского шамана, сделанное родственником писательницы, известным миссионером В. И. Вербицким. Писательница вводит в рассказ фигуру ребенка, наблюдающего обряд, и фигуру подростка, который объясняет герою-ребенку суть происходящего. При этом текст описания самого камлания сохраняется практически целиком, за небольшими выпусками алтайских фраз. Сокращений немного, и в основном они касаются текста самого речитатива-камлания на алтайском языке, хотя некоторые небольшие фрагменты из него всё же сохранены, скорее всего, как «экзотизм», а не как содержательный элемент, поскольку рассказы предназначались для русских детей, не знавших алтайского языка.

Список литературы

Лавров Д. Научно-богословские монографии в журнале «Томские епархиальные ведомости» (1880–1917) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, вып. 10 (91). С. 37–43. DOI 10.35775/PSI.2022.91.10.016

Шастина Т. П. Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А. И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. С. 144–154.

Шастина Т. П. «Страшный кам» В. Я. Шишкова: областническая традиция в раннесоветском опыте репрезентации национальной окраины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015а. № 1 (43), ч. 1. С. 206–210.

Шастина Т. П. Горное и горнее в «Алтайских рассказах» А. И. Макаровой-Мирской // Макарьевские чтения: Материалы X Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015б. С. 384–391.

Список источников

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изданный этнографическим отделом императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1893. 221 с.

Макарова-Мирская А. И. Алтайские рассказы. Харьков: Тип. «Мирный Труд», 1912. 211 с.

Алтайцы // Томские губернские ведомости. 1869. № 40. С. 9–10; № 41. С. 5.

Природа и население Алтая // Епархиальные ведомости (Томск). 1890. № 19–20. С. 1–5.

References

Lavrov D. Nauchno-bogoslovskie monografii v zhurnale “Tomskie eparkhial’nye vedomosti” (1880–1917). [Scientific and theological monographs in the magazine “Tomskie eparkhial’nye vedomosti” (1880–1917)]. *Issues of National and Federative Relations*. 2022, vol. 12, iss. 10 (91), pp. 37–43. DOI 10.35775/PSI.2022.91.10.016

Shastina T. P. Gornoe i gornee v “Altayskikh rasskazakh” A. I. Makarovoy-Mirskoy [Mountain and mountainous things in “Altai Stories” by A. I. Makarova-Mirskaya]. In: *Makar’evskie chteniya: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf.* [Makarevsky readings: materials of the X international scientific conference]. Gorno-Altaysk, GASU, 2015b, pp. 384–391.

Shastina T. P. “Strashnyy kam” V. Ya. Shishkova: oblastnicheskaya traditsiya v rannesovetskom opyte reprezentatsii national’noy okrainy [“Scary kam” by V. Y. Shishkov: regionalistic tradition in the early soviet experience of national outskirts representation]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015a, no. 1 (43), pt. 1, pp. 206–210.

Shastina T. P. Zabytye imena: Altay kak mir missionerov i yazychnikov v tvorchestve A. I. Makarovoy-Mirskoy [Forgotten names: Altai as a world of missionaries and pagans in the works of A. I. Makarova-Mirskaya]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul’ture* [Altai text in Russian culture]. Barnaul, 2013, pp. 144–154.

List of sources

Altaytsy [Altaians]. *Tomsk Provincial Gazette*. 1869, no. 40 pp. 9–10, no. 41, p. 5

Makarova-Mirskaya A. I. *Altayskie rasskazy* [Altai stories]. Kharkiv, Tip. “Mirnyy Trud,” 1912, 211 p.

Priroda i naselenie Altaya [Nature and population of Altai]. *Eparkhial’nye vedomosti (Tomsk)*. 1890, no. 19–20, pp. 1–5.

Verbitsky V. I. *Altayskie inorodtsy: sbornik etnograficheskikh statey i issledovaniy altayskogo missionera, protoiereya V. I. Verbitskogo, izdannyy etnograficheskim otdelom imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete* [Altai foreigners: a collection of ethno-

graphic articles and studies by the Altai missionary, Archpriest V. I. Verbitsky, published by the ethnographic department of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, which is affiliated with Moscow University]. Moscow, 1893, 221 p.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Research ID K6510-2017

Information about the author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Research ID K6510-2017

*Статья поступила в редакцию 10.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024
The article was submitted on 10.01.2024;
approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 18.01.2024*